

Джейсон КОУЛИ

«ТАЙМС», ЛОНДОН.

МИНИАТЮРНАЯ женщина, леди Элизабет Гленде-вон, живет затворницей в огромном неуютном доме и яростно отстаивает свое право на уединение. Вот уже более 30 лет она либо вообще ничего не говорит о своем отце, либо делится воспоминаниями о нем очень неохотно. Она — дочь английского писателя Сомерсета Моэма (1874-1965 гг.), который от нее отрекся.

Леди Элизабет чрезвычайно осмотрительна и осторожна в выражениях, когда речь заходит о правовом споре, который омрачил последние годы жизни Моэма и внес раскол в его семью. Она называет произошедшее тогда самым ужасным периодом своей во всем остальном счастливой жизни.

Все произошло, когда 80-летний Моэм, впадающий в старческий маразм, решил в завещании отказать дочери (единственному своему ребенку) в каком бы то ни было наследстве. Он утверждал, что его дочь, кроме самого факта рождения, ничего не сделала для того, чтобы заслужить его деньги.

Элизабет родилась от брака Сомерсета Моэма с разведенной женщиной и светской дамой Сайри Уэлком. Сейчас ей уже 81 год. Она помнит своего стареющего отца как печального и обеспокоенного человека. И все же, несмотря на то, что леди Гленде-вон называет его своей «незатухающей болью», она хранит об отце в основном добрые воспоминания и говорит о нем с любовью. Особенно ей запомнилось внимание, которым отец одаривал ее в детстве.

«Всякий раз, когда он бывал дома, — вспоминает она, — отец обычно читал мне что-нибудь на ночь из Киплинга или других его любимых авторов. Я очень дорожила этими моментами. А после развода с моей матерью, когда отец уже жил во Франции, он, приезжая в Лондон, либо брал меня с собой на ланч в свой любимый ресторан, либо водил в театр».

Гленде-вон всегда твердо стояла на том, что инициатором семейного скандала был не ее отец, а его секретарь и компаньон Алан Сирли, ведший дела писателя 35 лет. В нескольких биографиях Моэма упоминается эта личность — алчный, своекорыстный подхалим, который ловко направлял ход мыслей дряхлого старика, чтобы завладеть его имуществом. Племянник Моэма, ныне покойный Робин Моэм, хотя и пользовался особой благосклонностью Сирли, все же считал, что психика его дяди была расстроена именно этим человеком. «Моэм с ужасом думал, что продал душу дьяволу и что тот должен вот-вот явиться за ним», — говорил Робин.

Семейная ссора началась в 1962 году, когда Моэм продал на аукционе «Сотби» свою коллекцию картин, в том числе «Смерть арлекина» Пикассо и «Желтый стул» Матисса, за полтора миллиона долларов. Леди Гленде-вон нанесла ответный удар, подав исковое заявление на деньги, полученные от продажи еще девяти картин. Иск был удовлетворен, и она получила по постановлению суда 231 750 фунтов стерлингов.

Моэм, которого, как считает леди Гленде-вон, к этому времени поразила болезнь Альцгеймера, ответил тем, что попытался отречься от своей дочери и усыновить Алана Сирли. Несмотря на то что усыновление было оспорено во французском суде и отменено, Сирли в конечном счете унаследовал 50 тысяч фунтов стерлингов, все имущество на вилле Моэма в Кап-Ферра и, что самое главное, рукописи писателя и право на их издание в течение 30 лет.

Когда в августе 1985 года Сирли умер, приносившие изрядный доход права издания перешли не к леди Гленде-вон, на что она претендовала, а были переданы Королевскому литературному фонду.

Первым мужем Элизабет был Винсент Паравичини. От него Элизабет родила Николса и Камиллу. После развода с ним она переезжает в Лондон и выходит замуж за лорда Джона Хоупа, с которым

прожила 38 лет. Хоуп, бывший член парламента от консервативной партии, был младшим сыном второго маркиза Литлгоу (титул лорда Гленде-вон он получил в 1964 году). От второго брака леди Гленде-вон родила еще двоих детей, Джулиану и Джонатана.

Сейчас в ее доме в застекленном шкафу можно найти уже ветшающие первые издания произведений Моэма. Негромкий голос утонченной, красивой женщины отдается эхом в пустых стенах, которыми она окружена. Иногда этот дом посещают журналисты. И тогда лицо леди Гленде-вон становится непроницаемым. Нес-

колько раз подряд она может сказать им, как они ей неприятны. И у нее для этого есть все основания.

«Когда возникли трудности с отцом, — поясняет она, — пресса превратила мою жизнь в сплошной кошмар. Они не оставляли меня в покое ни на минуту. Стоило мне выйти куда-нибудь, как на меня сразу же набрасывалась свора репортеров и фотографов. Они караулили нас с отцом у дверей дома на Челси-сквер, а один репортер, бывало, постоянно держал палец на кнопке дверного звонка. Это было омерзительно».

Когда наконец леди Гленде-вон получила 100 тысяч фунтов стерлингов плюс издержки и отказалась от дальнейших претензий на имущество отца, она поехала повидаться с Моэмом. Она знала, что он при смерти. «Я хотела сказать ему последнее «прости» и помириться с ним, — вспоминает она, — но он меня не узнал. Он был очень болен. Его состояние усугублялось тем, что известное

Элизабет Мери Моэм родилась 6 мая 1915 года. Образование она получила дома и в частной школе в Лондоне. «Вопрос о поступлении в университет или о выборе какой-либо карьеры никогда не ставился, — вспоминает она, тихо посмеиваясь. — В те времена считалось, что это не для женщин». Ее предки были людьми заметными: дед с материнской стороны — врач, дед с отцовской стороны — Роберт Моэм — юрисконсульт Британского посольства в Париже, первый муж матери — известный химик Генри Уэлком.

Сомерсет Моэм: НА ЗАКАЖЕ

Сомерсет Моэм и его дочь в день ее первого бракосочетания.

Элизабет — единственный ребенок Моэма.

вам лицо (Элизабет не хочет называть вслух имя Сирли) постоянно нашептывало ему на ухо гадости. Если бы не его ужасное влияние, мой отец не дошел бы до такого состояния. Из-за него же он превратился в параноика, который был убежден, что я хочу, чтобы его официально признали сумасшедшим. Каждый раз, когда из окна доносился шум подъезжающей к дому машины, он думал, что это приехали за ним, чтобы увезти его в сумасшедший дом. Боюсь, его сознание было отравлено».

Маленькая Лайза росла в окружении писателей и художников. Отрочество, по ее выражению, прошло «на бесконечных приемах в самых знаменитых домах».

Тогда-то она и познакомилась с Винсентом Паравичини, сыном швейцарского посла в Лондоне, и вышла за него замуж в 19 лет. В 1946 году они разошлись.

«Наш брак не выдержал испытания четырехлетней разлукой во время войны, — говорит леди Гленде-вон. — Хотя мы всегда оставались добрыми друзьями». Однако этот брак не мешал Элизабет оставаться женщиной страстной, обожающей блеск светской жизни. «Даже выйдя замуж, я не переставала посещать званые вечера, — признается она. — Это была эпоха «блестящих молодых львов». В тридцатые годы мы только тем и занимались, что ходили друг к другу на светские рауты. Это было прекрасно — обеды, вечера танцев... А потом началась война, и все осталось навсегда в прошлом».

На званных вечерах, которые устраивали ее родители, обычно бывали Ивлин Во, Огастес Джон, Грэм Грин, Ноэл Коуард и многие другие творческие личности. О каждом посетившем их дом у Элизабет сохранились свои воспоминания. Например, о Во она говорит: «Он был в самом деле довольно трудным в общении, особенно после нескольких рюмок спиртного. Во напускал на себя вид че-

ловека, превосходящего всех своим интеллектом, и был очень саркастичен».

Летние месяцы семья проводила на даче. «Моей матери всегда удавалось соби- рать вместе самых различных людей, так что в нашем деревенском доме гостили и художники, и писатели, и просто люди из светского общества».

Она помнит, как Коуард сочинял песни, сидя за ее роялем: «Ноэл написал у нас дома несколько песен. Я обычно сидела и широко открытыми глазами наблюдала за тем, как он их сочиняет. Это был совершенно очаровательный человек».

Родители девочки развелись, когда ей было всего 12 лет. Моэм, скрытый, хотя и неразборчивый в своих привязанностях гомосексуалист, влюбился в Джеральда Хакстона, пьяницу-американца, с которым познакомился, когда работал шофером и санитаром на машине Красного Креста. Они не расставались в течение 30 лет.

Моэм писал о своей женитьбе на Сайри Уэлком как о самой большой ошибке в жизни. «Я был на одну четверть нормальным и на три четверти гомосексуалистом, — признавался писатель. — Но я пытался убедить себя в том, что все было наоборот». О сексуальных наклонностях отца леди Гленде-вон говорить отказалась. «О нем всегда болтали много гадостей. По большей части это несправедливо. Разве стали бы говорить теперь то же самое, если бы отец был жив? Сомневаюсь. Такой вопрос вообще не поднимался бы».

Тем не менее она согласна поговорить об отношениях Моэма с ее матерью. «Я уверена, что он любил ее, и временами они были вполне счастливы вместе. Они, в сущности, были очень разными людьми. Отец проводил ужасно много времени за границей, путешествовал в южной части Тихого океана, жил во Франции. А моя мать посвящала себя своим светским раутам, а позднее работе в качестве дизайнера по интерьерам. Думаю, что каждый из них жил собственной жизнью».

В «Беседах с Вилли», книге воспоминаний Робина Моэма о своем дяде, есть такая пикантная подробность. Незадолго до смерти Сайри встретила со своим бывшим мужем в Дорчестере. Встреча была короткой, а беседа — напряженной. Сайри сказала Моэму, что продолжает любить только его, на что писатель с высокомерным бесстрашием ответил: «Ты не любишь меня и любить не можешь, потому что никогда меня не знала».

После развода родителей леди Гленде-вон переехала со своей матерью в «довольно милый» дом на Челси-сквер, где Сайри продолжала давать свои приемы. «Их развод отнюдь не разбил моего сердца, — вспоминает Элизабет, — потому что даже когда они были женаты, я видела, что отец не часто. Он так много путешествовал, что я привыкла к его долгим отлучкам».

Позднее, после собственного развода, леди Гленде-вон возила своих детей к их деду в Кап-Ферра.

Она вспоминает, как отца постоянно преследовал образ его матери, которая умерла, когда ему было восемь лет: «Он просто боготворил свою мать. Однажды, когда я была у него, ему тогда уже было за восемьдесят, он повел себя очень странно. Я находилась в гостиной, когда он попросил меня подождать его, а сам поднялся наверх. Вниз он спустился, держа в руке длинный локон своей матери, который хранил все эти годы. Я была очень тронута и потрясена увиденным».

Сейчас Моэм-писатель оказался чуть ли не в архиве английской литературы. О приключениях его жизни вспоминают ныне чаще, чем о его книгах. А жаль, потому что, как говорит леди Гленде-вон, его художественные произведения приносили радость миллионам людей.

«Я не держу на него зла. Он был изумительным писателем, полностью отдавшим себя своему искусству. Уверена, что читать его будут... Знаете, мы все-таки любили друг друга. Я была ближе к своей матери, как и подобало девочке, но я также очень любила отца, а он любил меня, пока не сошел с ума».